

С. А. Фомичев,
ученый секретарь
Пушкинской комиссии
АН СССР

Библиотека Пушкина

Библиотека
А. С. Пушкина.

Самая большая и светлая комната в последней квартире Пушкина была определена под кабинет. Три окна ее выходили во двор — так было покойнее для работы. Вдоль стен кабинета — почти до потолка — теснились на полках книги. Один стеллаж перегородивал комнату надвое — около него стоял диван, а подле — конторка, на которой можно было работать полулежа.

Петр Александрович Плетнев, друг и издатель Пушкина, вспоминал: «Без особых причин никогда он не изменял порядка своих за-

нятий... утро он посвящал чтению, выпискам, составлению планов или другой умственной работе. Вставая рано, тотчас принимался за дело. Не кончив утренних занятий своих, он боялся одеться, чтобы преждевременно не оставить кабинета для прогулки... Едва ли кто из наших литераторов успел собрать такую библиотеку, как он. Не выходило издания, почему-либо любопытного, которого бы он ни приобретал. Издерживая последние деньги на книги, он сравнивал себя со стекольщиком, которого ремесло заставляет покупать алмазы, хотя на их покупку и богат не всякий решится».

Своему привычному распорядку Александр Сергеевич Пушкин не изменил и в утро накануне дуэли. До наших дней дошло письмо, адресованное писательнице Ишимовой, написанное крылатым пушкинским почерком:

*Милостивая государыня
Александра Осиповна!*

Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Пожамест честь имею препроводить к Вам Барри Корнуоля. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведете их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть

*Милостивая государыня
Вашим покорнейшим слугою
А. Пушкин.*

Таким образом, нам стали известны две книги из библиотеки Пушкина, которые последними коснулись его рук: «История России в рассказах для детей», составленная Ишимовой, и «Стихотворные произведения Мильмана, Боульса, Вильсона и Барри Корнуоля», изданные в Париже на английском языке.

Последняя книга была особенно Пушкину дорога. Он приобрел ее лет семь назад в книжной лавке Беллизара... Потом в дорожном сундуке вместе с другими томиками она отправилась с ним в Болдино. Там, задержанный бушевавшей вокруг холерой, он провел почти три месяца. Это было удивительное время! Все житейские заботы отступили прочь. Писалось легко. И все удавалось. В считанные дни были закончены последние главы «Евгения Онегина». Завершены драматические сцены, к которым он несколько лет подступал. Взялся за прозу — и проза пошла: одна за другой были написаны пять повестей. И еще — поэма в октавах «Домик в Коломне», «Сказка о попе и работнике его Балде», «История села Горюхина», почти тридцать стихотворений!

В далекой, богом забытой деревеньке, отгороженной даже от губернского города сотнями верст непроходимой грязи и несколькими карантинами, время и пространство словно сгустились. Все стало близким и осязаемым.

Сборник стихотворений английских поэтов тоже оказался кстати. Одна из сцен драматической поэмы Вильсона послужила материалом «Пира во время чумы», а произведения Барри Корнуоля отозвались в начальных октавах «Домика в Коломне» и в двух стихотворе-

ниях: «Я здесь, Инезиля» и «Пью за здравие Мери». В чем-то особенно близок был этот поэт Пушкину. Не так давно он вновь обратился к его стихам и начал было переводить пьесу «Сокол»:

*«О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?..»*

Перевод был оборван на первых строках — слишком уж личные, повседневные заботы прорывались в них.

Пьеса «Сокол» и другие переводы Александры Осиповны Ишимовой из Барри Корнуоля были опубликованы в пушкинском журнале «Современник» уже после смерти поэта.

После дуэли Пушкина привезли домой около шести часов вечера. Чуть позже, узнав от доктора о том, что его ранение смертельно, Пушкин сказал, обращаясь к книгам: «Прощайте, друзья...»

«С кем он прощался в эту минуту, — недоумевал Жуковский, — не знаю...»

А между тем еще в Лицее юный Пушкин писал:

*Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю,
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою,
Под тонкою тафтою
Со мной они живут,
Певцы красноречивы,
Прозаики шутивы
В порядке стали тут...»*

Никакого кабинета в ту пору, конечно, у Пушкина не было. В лицейской каморке даже не было и полки книг. Однако своих любимых писателей юный поэт вспоминал не понаслышке. Он читал их в библиотеке своего отца, в богатой лицейской библиотеке.

Едва ли не единственной собственной книгой лицеиста Пушкина были в ту пору стихотворения Жуковского, подаренные в 1815 году автором юному другу, в котором уже тогда угадывали надежду русской литературы.

Пушкин же в то время писал Жуковскому:

*Благослови, поэт!.. в тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени.
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел...
И ты, природою на песни обреченный,
Не ты ль мне руку дал в завет любви*

священный?

*Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнией струей —
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела.
Нет, нет, решился я — без страха в трудный*

путь,

*Отважной верою исполнилася грудь.
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!..
Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к безвестному отважною мечтой,
И, мнится, гений ваш промчался предо мной!..»*

Эти лицейские строки невольно вспоминаются, когда читаешь описание последних мгновений жизни Пушкина.

Жуковский свидетельствовал, что Пушкин подал руку Владимиру Ивановичу Далю, врачу, писателю и лингвисту, и, пожимая ее, проговорил: «Ну подымай же меня, пойдём да выше, выше... ну, пойдём!» Но, очнувшись, он сказал: «Мне было показалось, что я с тобою лечу вверх по этим книгам и полкам: высоко... и голова закружилась».

У дивана стояли друзья... Но они были и там, на книжных полках: стихотворения Жуковского; «Русские сказки, из предания народного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуровненные и поговорками народными раскрашенные казакон Владимиром Луганским» (это был псевдоним Даля); книги, привезенные Пушкину из-за границы Александром Ивановичем Тургеневым... И еще были там Дельвиг, Грибоедов, Баратынский, Вяземский, Мицкевич, Кюхельбекер... «Иных уж нет, а те далече», — как-то сказал о них поэт.

Теперь не стало и Пушкина.

Спустя три четверти часа после кончины Пушкина тело его вынесли в гостиную, а кабинет Жуковский запечатал своей печатью, исполняя волю Николая I, сказавшего накануне: «Тебе поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги; ты после их сам рассмотришь».

Однако, кроме Жуковского (и фактически вместо него!), разбирать бумаги поэта было поручено начальнику штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельту. 7 февраля рукописи Пушкина и письма к нему, уложенные в два сундука, были вывезены из кабинета «для рассмотрения», в том числе, согласно описи, 20 старинных рукописей в переплетах. В сущности, это было уже частью пушкинской библиотеки. Позже удалось установить, что у Пушкина хранился, например, список шутотрагедии Крылова «Трумф», острой сатиры на русское самодержавие. Был у него и полный текст грибоевской комедии «Горе от ума», наряду с первым ее изданием, появившимся с многочисленными купюрами. Среди «старинных рукописей в переплетах» были и разнообразные материалы петровской эпохи, в частности сатирическая повесть XVIII века «Дело о побеге из Пушкинской улицы петуха от курицы» — остроумная пародия на судопроизводство, установленное Петром I в отношении беглых рекрутов.

Собственно, с отделения рукописных книг от печатных и начался постепенный процесс распыления пушкинской библиотеки. Из «старинных книг в переплетах» в 1949 году удалось обнаружить лишь копию секретных записок Екатерины II (в двух томах), изъятую из библиотеки Пушкина после посмертного жандармского обыска.

Печатные же книги жандармское управление не заинтересовали. Они поступили, вместе с вещами Пушкина, в ведение учрежденной 3 февраля опеки над малолетними детьми поэта, которая в свою очередь доверила разборку книг помощнику Пушкина по журналу «Современник» А. А. Краевскому. Он в свою очередь перепоручил это дело уже совершенно неизвестным Менцову и барону Вельзберху. Когда те приступили к описанию библиотеки, там уже многого не хватало, например одного из сокровищ пушкинского книжного собрания — пер-

вого издания «Путешествия из Петербурга в Москву». Весь тираж этой книги Радищева был уничтожен по приказанию Екатерины II, случайно сохранилось лишь несколько экземпляров. Но и в ряду этих раритетов пушкинская книга была особенной: необычайно роскошная, в красном сафьяновом переплете и с золотым обрезом. На титульном листе книги рукою Пушкина было записано: «Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии. Заплачен 200 рублей». Книгу читала внимательно императрица — на полях сохранились ее пометы красным карандашом. Надо полагать, начальник Тайной канцелярии, заплеченных дел мастер Шишковский пытал Радищева, сверяясь с пометами императрицы.

Обозначая цену, за которую ему удалось приобрести книгу, Пушкин, очевидно, не жаловался на расходы (хотя 200 рублей были большими деньгами!), а скорее, наоборот: отмечал редкую удачу — библиофилы пушкинской поры за первое издание «Путешествия» платили не менее тысячи. Но вот что интересно: имеется достоверное свидетельство о том, что книга Радищева была обещана поэтом известному библиофилу Сергею Дмитриевичу Полторацкому — вероятно, в благодарность за издания петровского времени, которые тот давал Пушкину для исторических занятий. До Полторацкого, однако, книга не дошла: ее забрал себе председатель Опеки граф Г. А. Строганов.

Многие другие книги, хотя и значатся в описи, также потом исчезли. Так, из тридцати четырех прижизненных изданий сочинений Пушкина сохранилась только третья часть «Стихотворений», изданная в 1832 году. Между прочим, в ней имеются две пушкинские поправки в тексте «Сказки о рыбаке и рыбке»; в XIX же веке сказка так и печаталась с ошибками, например: «Жемчуга окружили шею» (Пушкин поправил: «Жемчуга огрузили шею»). Невольно думаешь, сколько было такого рода поправок в других пушкинских изданиях из его библиотеки!

Куда же делись они? Предполагают, что после смерти их разобрали на память друзья и родные Пушкина. Но, вероятно, не только друзья...

Вот в таких условиях происходила посмертная опись библиотеки Пушкина. Равнодушные руки брали книги с полки, прямо с обложки переписывали название, указывая число томов (впрочем, не всегда), и счастье еще, что ставили их на место. Между прочим, некоторые книги в опись попали дважды, записанные обоими чиновниками, а сколько книг по невнимательности не тронуто было ни тем, ни другим! Об этом теперь приходится догадываться по другим источникам. Всего в описи числится 1287 названий — около четырех тысяч томов. Как увидим, библиотека Пушкина была больше.

13 апреля 1837 года появилась «Опись, составленная вообще всем книгам, оказавшимся в библиотеке Пушкина, — на 23 номерованных листах». После этого книги упаковали в 24 ящика, и они надолго исчезли из глаз, оставаясь в ведении Опеки, которая хранила библиотеку в складских помещениях Гостиного двора.

До наших дней дошло письмо близкого пушкинского приятеля, одного из самых из-

вестнейших русских библиофилов С. А. Соболевского. Странное письмо...

«Библиотека Пушкина, — писал Соболевский из Парижа Плетневу, — многого не стоит: это библиотека не ученая, не специальная, а собрание книг приятного, общекультурного чтения. Книги эти постоянно перепечатаются, делаются издания и лучше и дешевле; очень немногие из них годятся в библиотеки публичные. Итак, не думаю, чтобы их могло купить какое-нибудь правительственное место, а надобно их продать, продать наскоро.

Для таких обыкновенных книг аукционная продажа выгодна, по незнанию толка в книгах публики. Книги же лучшие, солидные, стоящие денег на этих аукционах разберем мы сами... Надобно только, выдавая книги, просматривать, нет ли в них написанного или отдельных записок».

Соболевскому не откажешь в практической сметке. Действительно, «правительственные места» не изъявили желания приобрести пушкинскую библиотеку. А несколько тысяч, которые можно было бы выручить от ее продажи, были бы большим подспорьем семье покойного. О редких же экземплярах книг, как и о книгах с заметками поэта, Соболевский, как мы видели, позаботился особо.

И все же — распродать порознь пушкинские книги! Какое счастье, что этого не случилось!

Может быть, он не знал толком состава пушкинской библиотеки? Нет, знал. 17 мая 1834 года, незадолго до отъезда Соболевского за границу, Пушкин пригласил его помочь привести в порядок свои книги.

Но взгляд библиофила в этот день, по-видимому, с вниманием задерживался лишь на редкостях: таких, как трехтомное французское издание «Божественной комедии» Данте в роскошных, тисненых золотом переплетах из красного сафьяна, с гравированным портретом великого итальянца, с отриском какого-то графского герба, оставшегося от прежнего владельца. Изданная в Париже в 1596 году, это самая старая книга в пушкинской библиотеке. Пять других изданий сочинений Данте, на языке оригинала и по-французски, библиофила заинтересовать не могли. Но одно только количество дантовских книг у Пушкина (по текстам отчасти повторяющих одна другую) — весомое свидетельство того, что значил Данте для русского поэта. Нет, не случайно покупал, скажем, в Москве Пушкин книгу, помня, конечно, что почти такая же имеется в его петербургской библиотеке. Но, значит, снова ему понадобилось взглянуть в Данте!

В 1829 году, на Кавказе, куда, не испросив разрешения властей, отправился Пушкин, чтобы встретиться с друзьями, чтобы оживить юношеские воспоминания, он напишет:

Зорю бьют... Из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнюю порой...

Спустя год, в Болдине, дантовскими терцинами будет начато одно из самых загадочных пушкинских стихотворений:

В начале жизни школу помню я;
Там нас детей беспечных было много;
Неровная и резвая семья;
Смирренная, одетая убого,
Но видом величая жена
Над школою надзор хранила строго...

А сколько в пушкинских стихах, прозе, письмах цитат и полуцитат из Данте — их еще предстоит раскрыть в полном объеме, для того чтобы точнее понять мысль Пушкина.

Здесь необходима одна оговорка. Поиски откликов Пушкина на прочитанные книги кажутся подчас в работах пушкинистов излишними. Мы с детства помним точное определение, которое впервые сформулировал Иван Киреевский, а потом неоднократно повторял Белинский: «Пушкин — поэт действительности». Но в том-то и дело, что действительностью любого человека является не только окружающий его материальный мир, но и завещанный ему предыдущими поколениями духовный опыт. И каждый гениальный писатель необходимо наделен не только обостренной впечатлительностью, но и счастливой способностью наиболее полно аккумулировать в себе энергию человеческой мысли.

Вот потому кабинет Пушкина, его библиотека тоже были его действительностью.

О широте пушкинских интересов свидетельствует уже состав его библиотеки. Книги на четырнадцать языках (кстати, подсчитано, что в пушкинских бумагах сохранились записки и выписки на 16 языках, не считая русского). Здесь были широко представлены изящная словесность, фольклор, как русский, так и общеславянский, теория и история литературы, история России и зарубежных стран, статистика и этнография, география и путешествия, языковедение, естествознание, юридические науки...

И конечно же, Соболевский был неправ, не заметив тщательных подборов книг у Пушкина по особо интересующим его темам. Скажем, в библиотеке было более десятка изданий и переводов «Слова о полку Игореве» (практически все, выпущенные к тому времени!) и масса изданий, позволяющих навести самые разнообразные справки об этом выдающемся памятнике древнерусской литературы. Известны, например, выписки Пушкина в связи с его работой по «Слову» из старинного руководства по соколиной охоте, «Книги, глаголемой Урядник, нового уложения и устройства чина сокольничья пути». В 1836 году Александр Иванович Тургенев сообщал своему брату: «Пушкин давно занимается «Песней о полку Игореве» и издает ее с примечаниями... Он хочет сделать критическое издание сей песни... и показать ошибки Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дожидаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикой, а других — смехом».

Богатейшая коллекция книг собрана была Пушкиным и в связи с его работой над историей Петра I. Здесь были составленные Голицыным «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» в 13 то-

мах, а также 18 томов «Дополнений», два из них занимали письма Петра (около полутора тысяч). В 48-томном «Полном собрании законов Российской империи» несколько томов отражали с большой полнотой государственную деятельность Петра, многие законы писались под его диктовку или даже его рукой. Было и десятитомное «Собрание разных сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деятельности Петра Великого». Были у Пушкина «Журнал, или Поденная записка Петра Великого с 1698 года до заключения Нейштатского мира» (составленная во многом самим Петром история Шведской войны), «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего городка до возвращения оного под российскую державу», вольтеровская «История России в царствование Петра Великого» с включенными в нее материалами, подготовленными Ломоносовым, «Житие и славные дела государя императора Петра Великого... Ныне первое на славянском языке списана и издана. В Венеции. 1772» сербского писателя Захария Орфелина; шеститомная «История Петра Великого», переведенная с немецкого языка; «Материалы о жизни Петра Великого», изданные в Лондоне; «Военная история походов россиян в XVIII веке» в четырех томах, написанная Бутурлиным; жизнеописание многих сподвижников Петра, путешествия иностранцев по петровской Руси, карты петровского времени. И еще множество рукописных источников, например купленные по 50 рублей рукописные «Жизнь Петра» и «Жизнь Екатерины», подлинники петровских писем, не говоря уж об огромном количестве собственных выписок Пушкина из архивных документов.

«В наше время, — писал Пушкин, — главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых сочинениях, есть отсутствие труда. Редко случается критике указывать на плоды долгих изысканий и терпеливых изысканий. Что из того происходит? Наши так называемые ученые принуждены заменить существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною взглядов, приурочением модных понятий к старым давно известным предметам и пр. Таковые средства (которые в некотором смысле можно назвать шарлатанством) не продвигают науки ни на шаг...»

Библиотека Пушкина наглядно свидетельствует о его постоянном стремлении «в просвещении стать с веком наравне».

Уже в середине XIX века раздались голоса о необходимости изучения библиотеки Пушкина. В 1855 году известный писатель и критик А. В. Дружинин писал: «Библиотека Пушкина не могла пропасть без следа. Сведения о любимых книгах Александра Сергеевича, изложенные его заметки со времен будут собраны. Странно подумать, что мы можем по месяцам проследить за ходом чтения англичанина (поэта) Соути и знаем так мало о том, что читал поэт, которым гордится наше отечество».

А тем временем пушкинские книги переместились из Гостиного двора в подвалы казармы конного полка, которым командовал П. П. Ланской, второй муж Наталии Николаевны. Затем библиотека была перевезена в село Ивановское под Москвой, откуда отправлена в село Лопасню (тоже неподалеку от

Москвы) и снова вернулась в Ивановское. Каждое перемещение, несомненно, ухудшало состояние книг и без того попорченных при хранении. А сколько было утрат! Так, при перевозке библиотеки из Лопасни там был забыт ящик с 31 тетрадкой большого формата. Пока этого ящика хватились, девять тетрадей уже были израсходованы на хозяйственные нужды и безвозвратно погибли. А это была написанная Пушкиным в предварительной редакции «История Петра», изданная потом уже в годы Советской власти.

О библиотеке Пушкина вспомнили вновь в связи с подготовкой столетнего юбилея поэта — в село Ивановское по инициативе вице-президента Академии наук Л. Н. Майкова был направлен молодой историк Борис Львович Модзалевский. «Приехав в село Ивановское, — вспоминал он, — встретил со стороны Александра Александровича Пушкина (внука поэта) самый радушный прием и полное содействие выполнению моей задачи. Библиотека оказалась в довольно плачевном состоянии: многие книги были попорчены сыростью и мышами, многие книги были поматы или растрепаны; спешно она была разобрана... уложена в 35 ящиков и отправлена до станции Бронницы на подводах, а затем — по железной дороге. В Петербург книги были доставлены 1 октября и временно помещены в одной из комнат Славянского отделения Библиотеки Академии наук. Таким образом библиотека Пушкина, свыше 60 лет странствовавшая и подвергавшаяся всевозможным случайностям, снова, хотя и не в полном виде, вернулась в Петербург — на этот раз навсегда».

Перед ученым, тщательно изучившим каждую из пушкинских книг, открылась захватывающая картина.

В седьмой главе романа «Евгений Онегин» Пушкин так описывал впечатление Татьяны от знакомства с библиотекой героя:

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтею;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живею.
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя неволью выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Так и в библиотеке самого Пушкина. Только, конечно, его пометы на книгах еще более разнообразны. Некоторые места в книгах он подчеркивал в тексте, иные отмечал на полях, на полях же ставил разные знаки (NB, !, ?!, X и пр.), писал замечания, иногда несколько фраз... В тех случаях, когда замечания Пушкина должны были принять пространную форму, мы видим бережно обрезанные, в уровень с книгой, вкладные листики писчей или почтовой бумаги, покрытые замечаниями Пушкина и вложенные в соответственные места книги. В томик своего любимого поэта Андре Шенье он вписывает его стихотворение, не вошедшее в издание. На книге английского поэта Колдridge записывает: «Куплено 17 июля

1835 года, в день Демидовского праздника, в годовщину его смерти». Особенно много помет в книгах, использованных Пушкиным в работе над историческими трудами.

Некоторые пометы любопытны в ином отношении.

Например, в библиотеке была книжка «Геройская добродетель, или жизнь Сифа, Царя Египетского, из таинственных свидетельств Древнего Египта взятая». На ней надпись детским почерком: «Сия книшка пригласная, глупая». Некоторые пушкинисты предполагают, что надпись эта сделана в детстве Пушкиным — если это так, то, значит, здесь сохранился первый его автограф.

На одной из книг набросаны шуточные стихи, адресованные Анне Петровне Керн:

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

Здесь же рукой Анны Петровны помечено: «19 октября 1828 г. С.-Петербург».

Мы вспоминаем о таких книгах из библиотеки Пушкина с улыбкой, и, право же, без них она тоже была бы неполна. В конце концов, библиотека всегда отражает личность ее хозяина, а разве можно представить себе Пушкина без его шуток, острот, розыгрышей!

И конечно, книги Пушкина хранят память о его друзьях. Подсчитано, что с 1828 по 1837 год 823 книги Пушкин получил в дар. На многих из них были дарственные надписи Жуковского, Кюхельбекера, Дельвига, Баратынского, Гнедича, Федора Глинки, Вельтмана, Лажечникова, Панаева, Соболевского, Сомора, Погодина, Александра Тургенева, Василия Каратыгина, Слепушкина, Суханова, Мицкевича и многих других. На парижском издании стихотворений Мицкевича надпись: «Александру Сергеевичу Пушкину за прилежание, успехи и благонравие. Сергей Соболевский», а на томике произведений Байрона: «Байрона Пушкину почитающий их обоих Адам Мицкевич». Между страниц поэмы декабриста Федора Глинки «Карелия» сохранились засушенные цветы. В двух книгах имеются заметки Петра Чаадаева...

Все эти — и многие другие пометы — отражены в описании библиотеки Пушкина, выполненном Б. Л. Модзалевским и вышедшем из печати в 1910 году (здесь зарегистрировано 1522 названия, более 4300 томов). А сама библиотека в 1906 году была приобретена Академией наук и стала основой богатейших сокровищ только образованного Пушкинского Дома, который в 1930 г. был преобразован в Институт русской литературы АН СССР.

Библиотека Пушкина занимает отдельную комнату. В старинных, высоких шкафах покоятся тщательно отреставрированные книги поэта. Сложными путями сюда пришли некоторые из них, в разные годы отделившиеся от библиотеки. Встал на полку «Сборник произведений английских поэтов», отосланный Пушкиным А. О. Ишимовой в день дуэли. Вернулся в библиотеку и уникальный экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву». Первое издание поэмы «Руслан и Людмила» воз-

вратилось в библиотеку в роскошном переплете и с золотым обрезом, но при этом были обрезаны поля страниц, на которых множество карандашных помет и исправлений, сделанных Пушкиным при подготовке в 1828 году второго издания поэмы. Несколько пушкинских книг обнаружены в других библиотеках нашей страны.

Однако множество пушкинских книг до сих пор еще не разысканы. Неизвестно, где находятся сейчас «Опыты в стихах и прозе» Батюшкова с замечаниями Пушкина, 35-томное издание «Энциклопедии Дидро и д'Аламбера» и 48-томное «Полное собрание законов Российской империи»; подарок чешского филолога Шафарика — его труд по истории славянских языка и литературы всех наречий; издание «Слова о полку Игореве», некогда переданное поэту Александром Ивановичем Тургеневым, с пометами А. Я. Итальянского, дипломата и археолога, с его объяснениями по восточным языкам, и ряд других изданий, о наличии которых в пушкинской библиотеке мы знаем доподлинно из различных источников.

Как хочется надеяться, что со временем и они будут найдены!

Разумеется, судьба библиотеки Пушкина на этом не завершается. Она не просто бережно хранится в качестве одного из ценнейших памятников национальной культуры, но и тщательно изучается. Процесс этот неисчерпаем. Много тайн уже раскрыла библиотека ученым-пушкинистам. Многие из них еще предстоит открыть.

«Следовать за мыслями великого человека, — писал Пушкин, — есть наука самая занимательная».